ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА, ДИСКУРС И ПРАГМАТИКА
TEXT LINGUISTICS, DISCOURSE, AND PRAGMATICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 7–15.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):7-15.

Научная статья

УДК 808.56

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-7-15

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ УПРЕКА: ИНТЕРАКТИВНЫЙ АСПЕКТ (ИГРОВЫЕ И НЕИГРОВЫЕ РЕАКЦИИ)

Юлия Михайловна Иванова[1], Наталия Геннадиевна Мальцева[2]

[1]Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, julivanova@yandex.ru, 0000-0003-2321-7037

[2]Саратовское высшее артиллерийское командное училище, Саратов, Россия, NMalts@yandex.ru, 0000-0002-2763-560X9

Аннотация. Статья исследует диалогические реакции на речевое действие упрека в свете лингвистической прагматики на материале опроса 314 респондентов, которым было дано задание продолжить короткий диалог, как если бы они были его участниками. Таким образом, в общей сложности было собрано 628 диалогических реакций на два стимула. Эксперимент носил ненаправленный характер, респонденты никак не ограничивались в выборе реакции. В полученном материале наблюдаются как неигровые, так и игровые реакции на упрек. Неигровые реакции демонстрируют важность степени эксплицированности обоснования упрека: чем она выше, тем выше вероятность конструктивного речевого поведения со стороны респондентов (встречные предложения, извинения, оправдания). Если же воспринимаемая обоснованность упрека низка, то повышается вероятность ответных упреков, речевой агрессии, отказа от продолжения общения. Статистически значимыми смежными (адъяцентными) парами с участием упрека в нашем материале оказались следующие: «упрек — конструктивное предложение» (33,7 %), «упрек — извинение» (16 %), «упрек — грубость, отказ от общения» (9 %), «упрек — ответный упрек» (9 %), «упрек — оправдание» (7 %). Игровые реакции на речевое действие упрека следуют двум стратегиям: метаязыковой (обыгрывание формы и конвенционального значения стимула) и миметической: прием «речевой маски» (Е. А. Земская), притворство, пародирование и т. п. Наличие в речевом стимуле маркеров игровой интенции само по себе не является решающим фактором включения игрового коммуникативного фрейма, поскольку в зависимости от контекста речевая игра может быть воспринята как средство эмоционального воздействия, без игровой провокации.

Ключевые слова: упрек, речевой акт, речевое действие, смежная (адъяцентная) пара, метаязыковая рефлексия, мимесис, игровой коммуникативный фрейм, (не)игровая диалогическая реакция, анализ дискурса

Для цитирования: Иванова Ю. М., Мальцева Н. Г. Речевое действие упрека: интерактивный аспект (игровые и неигровые реакции) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 7–15. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-7-15.

Original article

THE SPEECH ACT OF REPROACH: INTERACTIONAL PERSPECTIVE (PLAYFUL VS. NON-PLAYFUL REACTIONS)

Yulia M. Ivanova[1], Natalia G. Maltseva[2]

[1]Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, julivanova@yandex.ru, 0000-0003-2321-7037

[2]Saratov Higher Artillery Command School, Saratov, Russia, NMalts@yandex.ru, 0000-0002-2763-560X

Abstract. The article examines dialogical responses to the speech act of reproach in the light of linguistic pragmatics, based on a survey of 314 respondents who were asked to continue a short dialogue as if they were its participants. Thus, a total of 628 dialogical responses to two stimuli were collected. The experiment was non-directive

© Иванова Ю. М., Мальцева Н. Г., 2026

in nature, and respondents were not in any way restricted in their choice of response. The material obtained shows both playful and non-playful responses to being reproached. Non-playful responses to reproach demonstrate the importance of the perceived validity of the reproach: the higher it is, the higher the probability of constructive speech behavior on the part of the respondents (counterproposals, apologies, excuses). If, however, the perceived validity of the reproach is low, the likelihood of counter-reproaches, verbal aggression, and refusal to continue communication increases. The following statistically significant adjacent pairs involving reproach as their 1PP were found in our material: "reproach - constructive suggestion" (33,7 %), "reproach – apology" (16 %), "reproach – rudeness, refusal to communicate" (9 %), "reproach – counter-reproach" (9 %), "reproach – excuse" (7 %). Playful reactions to reproach follow two strategies: metalinguistic (playing on the form and conventional meaning of the stimulus) and mimetic: the technique of "speech mask" (E. A. Zemskaya), pretense, parody, etc. The presence of markers of playful intention in a verbal stimulus is not in itself a defining factor in the decision whether or not to switch to the playful communicative frame, since, depending on the context, verbal playfulness can be perceived as sincerely emotional rather than provocatively playful.

Keywords: reproach, speech act, speech action, adjacency pair, meta-language reflection, mimesis, playful communicative frame, (non-)playful dialogical reaction, discourse analysis

For citation: Ivanova YuM, Maltseva NG. The Speech Act of Reproach: Interactional Perspective (Playful vs. Non-Playful Reactions). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):7-15. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-7-15.

Введение

Упрек как структурная единица диалога в полной мере подчиняется постулатам межличностного общения, сформулированным основателями прагмалингвистики и теории речевых актов. Это принцип кооперации П. Грайса [13], условия успешности речевого акта Дж. Серля [19], требования учета социальной обусловленности вербального общения, сформулированные Д. Хаймсом [14]. Понятие упрека является центральным для ряда исследований последних десятилетий, которые при разнообразии подходов позволяют описать функционирование упрека с достаточной степенью полноты.

Все авторы понимают под упреком в разной степени выраженную конфликтную форму речевого обмена, вид или структурную единицу агрессии. Оценочность и напряженность эмоционального фона, свойственные упреку, также не подвергаются сомнению; в терминологии Дж. Серля упрек относится к речевым актам экспрессивного типа [19].

Исследуя упрек, авторы расставляют различные теоретические акценты в зависимости от выбранной проблематики. Чаще других цитируется работа Н. А. Каразии, подробно описавшая дискурсивные функции упрека и специфику их языковой реализации на примере американской речевой культуры. Упрек понимается автором как «выражение неодобрения по отношению к действиям и поступкам собеседника с целью воздействия на его эмоциональную сферу и стимулирования чувства вины/стыда» [7, с. 3].

Терминологическая неоднородность в вопросах изучения упрека отмечается Р. И. Шмураком, чья работа представляет детальное обсуждение таксономического статуса упрека в русскоязычных исследованиях [10, с. 34–45]. В отличие от свойственной большинству исследователей общей ориентации на семантику явления, автор следует структурному принципу выделения и делимитации упрека. Согласно его подходу, облигатная структура упрека содержит два компонента — обвинительную составляющую и указание на эмоциональную «уязвленность» субъекта высказывания. Именно указание на эмоциональный ущерб, наносимый субъекту упрека, позволяет отнести высказывание к «ингерентным» (контекстонезависимым) упрекам [10, с. 24–31]. Остальные упреки в русском языке условно могут быть отнесены к «контекстуальным» (являющимся упреками только в соответствующем контексте).

С субъективностью семантического принципа интерпретации речевых феноменов связан дискуссионный вопрос о явности/косвенности упрека. Обычно противопоставляют два вида способов его выражения, так называемые «прямые» и «косвенные». Современные представления о прямых и косвенных речевых актах представлены в монографии Е. В. Ерофеевой [3, с. 40–54]. Согласно общепринятой точке зрения, за прямые принимаются наиболее типичные, конвенциональные средства выражения целеустановки. Так, Н. А. Каразия относит к прямым упрекам высказывание, в языковой структуре которого содержится эксплицитное выражение недовольства, дейктические единицы, обозначающие адресата, и описание проступков адресата, послуживших причиной упрека [7, с. 11]. Косвенные же способы выражения могут содержать показатели иного иллокутивного значения, а речевая целеустанов-

ка выражена в пресуппозиции. Однако, как отмечает автор, «существуют такие ситуации общения и такие речевые акты, в которых говорящий не имеет возможности выразить целевую установку «прямо» в силу того, что ни одна грамматическая форма предложения функционально не специализируется на выражении иллокутивной информации в них» [3, с. 41]. Иными словами, в узусе любого языка могут отсутствовать конвенционально принятые формы выражения того или иного речевого акта, что справедливо, в частности, и для акта упрека, для которого отсутствует стандартная перформативная формула [5, с. 41].

Таким образом, точнее было бы говорить не о прямых и косвенных упреках, а о разных способах выражения упрека, эксплицированных либо не эксплицированных формальным элементом. В одном случае говорящий употребляет в высказывании грамматическую форму, содержащую показатель речевой целеустановки, во втором это значение выводится адресатом из контекста и ситуации [3, с. 42].

Ю. А. Белютина связывает степень эксплицитности упрека с определенными контекстными координатами, а именно с социальным статусом собеседников: речь тем более эксплицитна, чем выше положение субъекта речи, и наоборот [1, с. 150]. И. В. Кожухова, напротив, отмечает более «прямолинейное» выражение упрека в ситуациях с симметричными отношениями (выяснение отношений в семье, между близкими людьми) [8].

Подавляющее большинство исследований лингвистических средств экспликации упрека выполнено на материале художественной литературы, кроме корпусного исследования Р. И. Шмурака и анализа интернет-переписки С. А. Демченкова и Н. Д. Федяевой [2]. Наше исследование стремится компенсировать существующий дисбаланс, обращаясь к экспериментальному материалу.

В последние десятилетия исследователи в области прагматики осознали необходимость выйти за пределы умозрительных логических построений, на которых базируется классическая (философская) прагматика, и обратиться к анализу фактического языкового материала (speaker performance) [16]. Такая исследовательская программа — Р. Копытко формулирует ее как «отход от картезианской парадигмы в прагматике» [16, с. 132] — неизбежно приводит к необходимости ограничить значимость дедукции как в научном анализе, так и в восприятии структуры коммуникативной ситуации. Иными словами, исследователю приходится признать, что лексические, синтаксические, кинесические, просодические и другие выборы говорящих в реальной коммуникации осуществляются не в соответствии с некими заранее заданными, вечными и неизменными законами «природы» коммуникации, а являются проекцией постоянно меняющейся коммуникативной ситуации.

На этом пути исследователь делает ряд важных допущений. Во-первых, в реальном диалоге возможно непонимание или иллюзия понимания (illusory understanding) [16], не говоря уже о том, что и само «понимание» можно оценивать лишь с позиций сравнения со смыслом, который вкладывает в свое высказывание говорящий (speaker meaning), а этот смысл недоступен нам в наблюдении. Во-вторых, принимаемое по дефолту понятие коммуникативной удачи, реализованное, например, в условиях успешности, формулируемых для различных видов речевых актов [9], требует серьезного пересмотра в связи с упомянутым отходом от картезианской парадигмы [16].

Сегодня интеракциональная прагматика продолжает традиционные исследования дискурса обращением к таким проблемам, как связь эмоциональных реакций со стандартными формами вежливости [12], интеракционально-прагматический подход к изучению просодии в диалоге [21] и др.

Другое важное направление современных прагмалингвистических исследований, которое один из его главных инициаторов И. Кечкеш называет «прагма-диалогом» [15], по-русски можно для удобства назвать *прагматической теорией диалога*. Основные положения этого формирующегося в данный момент теоретического подхода можно сформулировать так: (1) необходимо последовательно различать инициальные и реактивные реплики в диалоге — здесь нельзя не упомянуть понятие «смежной (адъяцентной) пары», введенное теоретиками конверсационного анализа еще в прошлом веке [17], (2) помимо исследования иллокуций речевых действий необходимо также помнить о коммуникативных целях (“communicative agenda”) собеседников и, следовательно, анализировать их высказывания как средство достижения более глобальных целей, (3) наложение проекции коммуникативных целей на последовательность отдельных иллокуций дает диалогическую последовательность (обмен), или секвенцию (“sequence”), причем важно, что эта последовательность понимается как чередование действий и реакций на них, (4) при исчислении смысла, который вкладывал в свои слова говорящий, необходимо помнить о том, что на дизайн реплики влияют две противоположные силы:

стремление к кооперации (выражающееся в использовании конвенционально интерпретируемых прагматических форм) и эгоцентризм говорящего, проявляющийся в феномене салиентности, или выпуклости, используемых языковых средств [15].

В данной статье мы ставим исследовательский вопрос о наиболее типичных способах реакции на упрек, разграничивая реакции игровые и неигровые. Под игровой реакцией на речевое действие мы понимаем попытку переключить коммуникативный фрейм на игровой при помощи различных маркеров игры. Такое переключение ставит своей целью перевести разговор в несерьезное русло, сняв ответственность говорящих за дальнейшие речевые действия. В противном случае разговор остается в серьезном коммуникативном фрейме, что в первую очередь предполагает социальную ответственность за произнесенное. Концепция игрового коммуникативного фрейма принадлежит Г. Бейтсону, который формулирует ее так: в поведении играющего необходимо присутствуют маркеры игры, сигнализирующие о несерьезности происходящего. Эти маркеры «включают» игровой коммуникативный фрейм, который снимает значения и смыслы, конвенционально приписываемые тем или иным действиям [11], таким образом, в случае игровых речевых действий речь идет о снятии иллокуции и превращении ее в знак [6].

В данной статье исследуются серьезные способы реакции на упрек и игровые способы обратить ситуацию упрека в шутку.

Материал и методы исследования

Материалом данного исследования стали **результаты опроса** 314 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, в котором им предлагалось отреагировать на диалогические стимулы так, как если бы они были его участниками. Опрос проводился онлайн, длина и содержание ответов никак не ограничивались экспериментаторами, стимулы подавались в случайном порядке. Упрек давался в минимальном контексте, в разговоре с воображаемым собеседником, находящимся (по условию эксперимента) с респондентом в дружеских отношениях. Стимульные диалоги были синтезированы таким образом, чтобы в одном из них была игровая провокация, а другой был лишен маркеров игровой интенции. Такой выбор стимулов был направлен на проверку гипотезы о том, что наличие игровой провокации увеличивает вероятность игровой реакции.

Приведем здесь предложенные респондентам стимулы. **Стимул № 1** не содержал игровых провокаций:

Ситуация: Вы с другом обсуждаете текущие дела.

Вы: Мы в пятницу вечером хотим пойти в боулинг.

Друг: Вот вечно вы так! Знаете же, что мне в пятницу вечером на пилатес!

Вы: _____

Стимул № 2 содержал игровую провокацию в виде метафоры *(«ты ломаешь мои выходные пополам»)* и повтора *(«Понимаешь… Понимаешь?»):*

Ситуация: Вы с своим другом/подругой обсуждаете текущие дела.

Вы: Слушай, я не смогу в эти выходные поехать...

Друг: Понимаешь, ты просто ломаешь мне выходные! Пополам! Ты понимаешь?

Вы: _____

Распределение реакций по типам проходило на основании двух прагматических критериев: какие речевые действия были использованы и каковы импликатуры данного ответа. Все реакции были поделены на три группы: игровые, неигровые и условно игровые в зависимости от наличия / отсутствия признаков игрового коммуникативного фрейма [11]. К условно игровым причислялись реакции, не содержащие формальных признаков игры, но допускающие как игровую, так и неигровую интерпретацию.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Столкнувшись с упреком, респонденты выбирают один из двух вариантов: реагировать серьезным или игровым образом. Серьезная реакция чаще всего выражается в построении высоковероятной смежной пары, игровая — в обыгрывании формы и/или значения высказывания-стимула.

Игровой и неигровой способы реагирования на упрек представляют собой противоположные стратегии. Серьезно настроенные респонденты реагировали на содержание упрека, выстраивая ожидаемые смежные пары: упрек — извинение, упрек — оправдание, упрек — ответный упрек, упрек — конструктивное предложение по решению проблемы, послужившей основанием упрека (далее: конструктивное предложение). Что же касается игровых реакций, то они основывались на обыгрывании формы и/или значения стимула. Это обыгрывание касалось формы слов, содержания речевых актов (псевдоаргументация, нарочитое непонимание, метаязыковое комментирование), содержало прецедентные высказывания и/или абсурд. В общей сложности мы получили 628 ответов. Серьезные ответы на упрек

формировали следующие смежные пары: «упрек — конструктивное предложение» (212 из 628, или 33,7 %), «упрек — извинение» (101 из 628, или 16 %), «упрек — грубость, отказ от общения» (59 из 628, или 9 %), «упрек — ответный упрек» (59 из 628, или 9 %), «упрек — оправдание» (46 из 628, или 7 %).

В игровом ответе на стимулы обнаруживаются маркеры игровой интенции:

(1) обыгрывание отдельных слов (сломать, пополам, пилатес): *«Давай попробуем* ***склеить эти половинки*** *на следующих выходных», «Ну* ***скотчем перемотай****», «Да хоть по потолкам…», «Я* ***ломаю твою жизнь пополам****, а ты за выходные переживаешь!», «****Вдоль*** *или* ***поперёк****?», «Иначе* ***я сломаюсь****. Пополам», «А мы устроим тебе* ***ПИВАТЕС****!»*;

(2) метаязыковая рефлексия *«Ха, лови ключи от каламбурочной, я домой!»*;

(3) прецедентность *«(пожимает плечами) «Я раб лампы»», «Шары сами себя не погоняют»*;

(4) абсурд *«Иди сам операцию, тогда делай», «Пока мы будем играть в боулинг, ты пилаться прямо там и нормально», «Можем тогда пойти в бильярд».*

2. Практики серьезного реагирования на упрек наиболее сильно зависят от степени эксплицированности причины недовольства.

Наш анализ практик реагирования на упрек был основан на двух исследовательских вопросах. (1) Какие речевые акты с наибольшей частотностью формируют реакцию на речевое действие упрека? и (2) Каковы импликатуры того или иного ответа?

Число реакций-оправданий на оба стимула почти совпадает: 35 и 37 соответственно. Однако при анализе результатов мы получили разительное несовпадение в числе извинений: если на упрек *«Понимаешь, ты просто ломаешь мне выходные! Пополам! Ты понимаешь?»* мы получили 93 извинения, то упрек *«Вот вечно вы так! Знаете же, что мне в пятницу вечером на пилатес!»* вызвал всего 8 извинений. Это же различие касается и числа реакций, содержащих конструктивные предложения: 57 и 155 соответственно. По-видимому, причина столь явных количественных расхождений кроется в этических оценках респондентов. Так, стимул № 2, содержащий метафору (*«ты ломаешь мои выходные пополам»*), с высокой степенью вероятности предполагает ситуацию форс-мажора (затрагивающую такие ценности, как безопасность, уверенность в своих силах, доверие): выходные давно запланированы, но вновь пришедшая информация резко меняет эти планы. Вероятно, именно в силу этой гипотезы респонденты приносят 93 извинения, но при этом делают всего 54 конструктивных предложения (о переносе и изменении существующих планов и т. п.).

Стимул № 1 *«Вот вечно вы так! Знаете же, что мне в пятницу вечером на пилатес!»* отличается тем, что содержит **эксплицитное обоснование упрека**. Он отсылает к нарушению других ценностей: ценности гибкости и самопожертвования ради интересов группы, а также уважение личного пространства других людей. Здесь мало кто извиняется (8 извинений): большинству так удобнее, значит, нужно подстраиваться, однако с готовностью и в изобилии (155 реакций) предлагаются перенос встречи и другие альтернативные сценарии: давай попробуем успеть до твоего занятия; *давай я за тобой заеду; приходи после пилатеса; сейчас пойдем без тебя, а в другой раз подстроимся под тебя; предлагай свои варианты решения проблемы* и т. п. Несмотря на то, что данный стимул представляется более конфликтогенным, поскольку открывается так называемым «доводом к человеку» (*«Вот вечно вы так!»*) — приемом переключения с предмета обсуждения на личность говорящего [2], он все же вызывает больше конструктивных реакций, по-видимому, именно за счет экспликации обоснования упрека. Большее количество конструктивных реакций может также быть связано с более ярко выраженной семантикой эмоционального ущерба, обиды, который испытывает субъект упрека из-за действий упрекаемого (выражаемой, например, в усилительной частице «же» и др.). Вследствие этого упрекаемый стремится нивелировать негативные последствия своего решения, выражая сожаление и предлагая выход.

3) Анализ игровых практик реагирования на упрек позволяет выделить две категории: метаязыковые и миметические.

Метаязыковые практики игровой реакции на диалогический стимул касаются обыгрывания любых компонентов формы и конвенционального значения стимула. Например, в ответ на стимул № 1 говорящие креативно пародируют звучание слова «пилатес»: *«А мы устроим тебе ПИВАТЕС!», «Лучше на пиратов!», «Ну тогда не пилотируй»* и т. п. Обыгрыванию подвергается и конвенциональное значение слова «пилатес» путем его сближения со словом «боулинг» по признаку «спорт»: *«Твой пилатес один раз может смениться боулингом», «Боулинг – это тоже своего рода спорт», «А чем боулинг не пилатес? Пошли*

с нами!» (импликатура: если и то, и то «спорт», то какая разница?).

Миметические практики игровой реакции на диалогический стимул — то, что Е. А. Земская называет приемом «речевой маски» [4, с. 180] — предполагают элемент спонтанной драматургии в речевом поведении говорящих. Примером такого явления могут послужить: нарочитое непонимание, намеренно ошибочная интерпретация темы разговора, экзальтированная манера говорения, резкое понижение или повышение стиля разговора, фонетико-стилистическое пародирование чьей-либо манеры говорить, говорение внутри воображаемой ситуации, от воображаемого лица и т. п.

Приведем примеры «речевой маски» в нашем материале. В ответ на стимул № 1 респонденты выражали нарочитое непонимание: *«Ты ходишь на пилатес?!», «Ваня, какой пилатес»*, комически путали пилатес со стриптизом (пилон — шест для выполнения акробатических и хореографических элементов): *«Это где на шесте надо крутиться?»*, притворялись впервые слышащими это слово: *«Что такое пи**т**ал**е**с?», «А это что? Может, мне тоже надо?»*, на письме пытались передать нарочитое интонационное выделение части фразы: *«Ок, иди, а мы ПОЙДЕМ НА БОУЛИНГ»*, играли роль рассеянных и забывчивых: *«Ах, да... Прости. Мы ещё и в бар собирались»* или злорадных: *«Да, а ещё тебе назло сходим пива попьём»* и т. п.

Выводы

1. При делимитации речевого действия упрека исследователи выделяют в качестве основных следующие критерии: наличие неодобрительной оценки; обвинительной семантики; указания на эмоциональный вред, наносимый субъекту упрека; попытка вызвать чувства вины и стыда.

2. В данном исследовании упрек рассматривается в интерактивном аспекте, как инициальное речевое действие, первая часть смежной (адъяцентной) пары. Статистически значимыми смежными парами с участием упрека в нашем материале оказались следующие: «упрек – конструктивное предложение» (33,7 %), «упрек — извинение» (16 %), «упрек — грубость, отказ от общения» (9 %), «упрек — ответный упрек» (9 %), «упрек — оправдание» (7 %). Видим, что конструктивное предложение по исправлению ситуации является в нашем материале предпочитаемой реакцией на упрек, а оправдание — наименее предпочитаемой.

3. У реагирующего на любое инициальное речевое действие есть выбор из двух опций: выбрать игровую или неигровую реакцию. Выбор неигровой стратегии реагирования на упрек во многом зависит от степени эксплицированности оснований упрека: чем она выше, тем конструктивнее реакция, и наоборот, чем менее обоснованным представляется упрек, тем выше вероятность ответного упрека и других форм речевой агрессии. На основании нашего материала можно сделать вывод о том, что эксплицитно обоснованный упрек чаще вызывает конструктивную реакцию (конструктивное встречное предложение либо оправдание — 40,7 %), чем агрессивную или куртуазную (18 % и 16 % соответственно). Если же упрек воспринимается как менее обоснованный, например, за счет имплицитности его оснований, то более высока вероятность агрессии, ответного упрека, отказа от дальнейшего обсуждения и т. п.

4. Игровые стратегии реагирования на упрек подразделяются на метаязыковые и миметические. Примером метаязыковых средств реагирования на упрек являются: обыгрывание, метаязыковая рефлексия, прецедентность, абсурд. К миметическим средствам речевой игры, зафиксированным в нашем материале, относятся: разыгрывание какой-либо роли; прием «речевой маски» (термин, введенный Е. А. Земской); притворство; пародирование; наивная драматургия диалогического дискурса и т. п.

5. Наличие в речевом стимуле маркеров игровой интенции само по себе провоцирует лишь незначительное увеличение игровых реакций. Выбор серьезной или игровой реакции происходит на основании более широкого круга факторов, к которым в случае упрека относится воспринимаемая обоснованность этого речевого действия, выражающаяся, например, в эксплицированности претензий.

Список источников

1. Белютина Ю. А. Моделирование коммуникативных актов «упрек» и «обвинение» в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4 (44). С. 149–162. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=yxxnwh

2. Демченков С. А., Федяева Н. Д. Упрек в неграмотности в интернет-коммуникации // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : материалы IV Всероссийской междисциплинарной научной конференции, посвященной 90-летию со дня создания Омского государственного педагогического университета и 300-летию Российской академии наук. Омск, 2022. С. 218–221. URL: https://elibrary.ru/item.asp?Id=50330424

3. Ерофеева Е. В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке: монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2023. 286 с.

4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М. : Наука. 1983. 238 с.

5. Иванкова И. В., Макарова О. С., Толкачева Н. А. Речевой акт упрека в русском и немецком языках // Национальная ассоциация ученых, Ежемесячный журнал. 2015. № 9 (14). С. 41–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-upreka-v-russkom-i-nemetskom-yazykah.

6. Иванова Ю. М. Игровое речевое действие и поэтическая функция языка // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2025. № 1 (9). С. 9–15.

7. Каразия Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Петропавловск-Камчатский, 2004. 21 с.

8. Кожухова И. В. Самоупреки в английском языке: форма и функционирование // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 30–34. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22011399.

9. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. № 17. С. 170–194.

10. Шмурак Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском языке (корпусное исследование). Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва. 2021. 239 с.

11. Bateson G. A theory of play and fantasy // The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology. Cambridge. 2006. P. 314–328. URL: https://www.academia.edu/3630780/Bateson_Gregory_A_Theory_of_Play_and_Fantasy.

12. Beeman W. O. Emotion and instantaneous choice in interactional linguistic pragmatics: Cross-cultural perspectives // Journal of Pragmatics. 2014. Vol. 69. P. 52–62.

13. Grice P. Studies in the way of words. Harvard University Press, 1989. 412 p.

14. Hymes D. Models of the interaction of language and social life. Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication. New York : Holt, Rinehart and Winston; 1972. P. 35–71. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-92299-4_39.

15. Kecskes I. A dialogic approach to pragmatics. Russian Journal of Linguistics. 2016. Vol. 20, no. 4. P. 26–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-dialogic-approach-to-pragmatics.

16. Kopytko R. Interactional pragmatics: Towards a theory of performance // Studia Anglica Posnaniensia. 2000. Vol. 35. P. 117–136.

17. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization for Turn-Taking in Conversation // Language. 1974. Vol. 50, no. 4, Part 1. P. 696–735.

18. Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis, Vol. 1. Cambridge University Press, 2007. 324 p.

19. Searle J. Expression and meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press, 1999. 187 p.

20. Searle J. R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985. 227 p.

21. Ward N., Li Y., Zhao T., Kawahara T. Interactional and pragmatics-related prosodic patterns in Mandarin dialog // Speech Prosody 2016. P. 1230–1234. URL: DOI: 10.21437/Speech Prosody.2016-253.

References

1. Belyutina YuA. Modelirovanie kommunikativnyh aktov «uprek» i «obvinenie» v anglijskom yazyke = Communicative acts patterns “reproach” and “accusation” in the English language. *Izvestia of Smolensk State University = Bulletin of Smolensk State University.* 2018;(4(44)):149-162. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?edn=yxxnwh. (In Russ.).

2. Demchenkov SA, Fedyaeva ND. Uprek v negramotnosti v internet-kommunikatsii = A reproach for illiteracy in online communication. Poznanie i dejatelnost: ot proshlogo k nastojashhemu – materialy IV vserossijskoj mezhdistsiplinarnoj nauchnoj konferentsii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja sozdanija omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta i 300-letiju rossijskoj akademii nauk = Cognition and Activity: From the

Past to the Present– proceedings of the IV All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the Omsk State Pedagogical University and the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Omsk. 2022:218-221. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?Id=50330424. (In Russ.).

3. Erofeeva EV. Pragmaticheskie aspekty rechevyh aktov razlichnoj kommunikativnoj napravlennosti v sovremennom frantsuzskom yazyke: monografija = Pragmatic aspects of speech acts of various communicative orientations in modern French: monograph. Ekaterinburg: USPU, 2023. 286 p. (In Russ.).

4. Zemskaja EA, Kitajgorodskaja MV, Rozanova NN. Russian Colloquial Speech: phonetics, morphology, vocabulary, gesture. Moscow. 1983. 238p. (in Russ.).

5. Ivankova IV, Makarova OS, Tolkacheva NA. Rechevoj akt upreka v russkom i nemetskom yazykah = The speech act of reproach in Russian and German. *Natsionalnaja assotsiatsija uchenyh, Ezhemesjachnyj zhurnal = National Association of Scientists, Monthly Journal.* 2015;(9(14)):41-43. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-upreka-v-russkom-i-nemetskom-yazykah. (In Russ.).

6. Ivanova YuM. Igrovoe rechevoe dejstvie i poeticheskaja funktsija jazyka = The playful speech act and the poetic function of language. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo socialno-pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences.* 2025;(1(9)):9-15. (In Russ.).

7. Karaziya NA. Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoj amerikanskoj rechevoj kultury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskih nauk: 10.02.04 = Pragmalinguistic study of the Act of rebuke in the context of Modern American Speech culture: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.04. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2004. 21 p. (In Russ.).

8. Kozhukhova IV. Samoupreki v anglijskom yazyke: forma i funktsionirovanie = Self-reproaches: form and functioning. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2014;(7(336)):30-34. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=22011399. (In Russ.).

9. Searle J. Klassifikatsija illokutivnyh aktov = A classification of illocutionary acts. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teorija rechevyh aktov = New in foreign Linguistics. Theory of speech acts.* 1986;(17):170-194. (In Russ.).

10. Shmurak RI. Formalnye sredstva vyrazhenija upreka v russkom yazyke (korpusnoe issledovanie). Dissertatsija ... kandidata filologicheskih nauk: 10.02.01 = Formal terms of reproach in Russian (case study). Dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Moscow, 2021. 239 p. (In Russ.).

11. Bateson G. A theory of play and fantasy. The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology. Cambridge. 2006. P. 314–328. Available at: https://www.academia.edu/3630780/Bateson_Gregory_A_Theory_of_Play_and_Fantasy.

12. Beeman W.O. Emotion and instantaneous choice in interactional linguistic pragmatics: Cross-cultural perspectives. *Journal of Pragmatics.* 2014;69:52-62.

13. Grice P. Studies in the way of words. Harvard University Press; 1989. 412 p.

14. Hymes D. Models of the interaction of language and social life. Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 35–71. Available at: https://doi.org/10.1007/978-1-349-92299-4_39.

15. Kecskes I. A dialogic approach to pragmatics. *Russian Journal of Linguistics.* 2016;20(4):26–42. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/a-dialogic-approach-to-pragmatics.

16. Kopytko R. Interactional pragmatics: Towards a theory of performance. *Studia Anglica Posnaniensia.* 2000;(35):117-136.

17. Sacks H, Schegloff E, Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization for Turn-Taking in Conversation. *Language*. 1974;50(4)Part 1:696-735.

18. Schegloff EA. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis, Vol. 1. Cambridge University Press, 2007. 324 p.

19. Searle J. Expression and meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press, 1999. 187 p.

20. Searle JR, Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic, Cambridge University Press; 1985. 227 p.

21. Ward N, Li Y, Zhao T, Kawahara T. Interactional and pragmatics-related prosodic patterns in Mandarin dialog. *Speech Prosody.* 2016:1230-1234. Available at: DOI: 10.21437/Speech Prosody.2016-253.

Информация об авторах

Ю. М. Иванова — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода.

Н. Г. Мальцева — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about authors

Yu. M. Ivanova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Intercultural Communication and Translation.

N. G. Maltseva — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.